

Михаил Михайлович Кузьмин

Мне помнить их, родителей моих...

Ему на роду, наверное, было написано – растить хлеб, крестьянствовать. В огромной аграрной России с ее немереными просторами именно она, земля-матушка, требовала заботы о ней, она и кормила, и определяла человеческое бытие. Разве только в России! Полистайте страницы исторических хроник, книг – все войны и раздоры, конечно, за владение миром, главным образом – землей. Когда, «могущество российское прирастать» стало Сибирью, сколько крестьянского люду из разных волостей потянулось на Урал, на вольные земли. Решить проблему безземелья, остро стоящей уже давно, почти сразу за отменой крепостного права, иного пути не было. И это движение на восток – не стало стихийным, а четко укладывалось в программу всем нам известной «столыпинской реформы».

И попала в этот поток чуть ли не вся география европейской части России – от Украины, Белоруссии, от севера и даже до Финляндии... Обрусевший финн, осевший в Тарском уезде, звался Михаилом Осиповичем Кузьминым. Позади была первая империалистическая война, для которой пушечным мясом и была крестьянская, уставшая от всех пе-

М. М. Кузьмин на родине

редряг времени деревня. Хотелось просто мирно жить и спокойно вершить свое дело на земле. Сколько тогда на сибирских просторах появилось новых поселений. Приглянулось новоселам место неподалеку от Знаменки, и появилась Илларионовка. Корчевала лес, заводила огороды, пашню расчищала, ставила избы, благо, что места лесные.

И жизнь в Илларионовке, как в учебниках по истории писано, – революция, коллективизация. Надо было жить и работать, чтобы поставить на ноги восьмерых детей. Одному из них, Михаилу Михайловичу, было суждено стать Героем Советского Союза. Но до этого еще надо было вырасти, войти во взрослую пору. Да и кто думал, что ждет страну и каждую семью впереди такая беда!

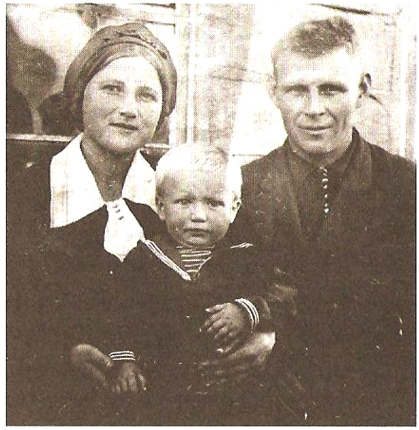
Сын Михаила Михайловича, Владимир Михайлович, только по отцовским да материнским рассказам помнит, как они жили тогда.

– Деревня всегда была, как говорится, на подножном корму. Уважали людей работящих. Таким были и дед мой, и бабушка – Устинья Илларионовна. Отец мой

пропадал в лесу вместе с дедом Ларионом, жгли деготь из бересты – на всю деревню припасали. А зимой в школу ходил – грамоту одолевал. Потом в Таре поступил в лесохимическую школу, где выучился на технорука лесохимической промышленности. Во как! Специалист по заготовке зерна. Командировки, проверки, крутится-вертится. А в 1938 году – бери выше! – назначили старшим хлебным инспектором Тарского окружного пункта «Заготзерно». А через два года уже директор Тарского пункта «Заготзерно»! А ему что там – двадцать два года! Видать, хватка была, серьезность, опять же грамотный парень, он же до войны успел окончить заочно четыре курса Томского мукомольно-элеваторного института! А перед призывом в армию в октябре сорок первого работал в Омске старшим госхлебинспектором… Тут приспела Финская война… Заговорили, что всяко может случиться – в Германии фашисты такую власть взяли, такой военный разгон!..

Как жаль, что не довелось поговорить неспешно с Сольмой Августовной Кузьминой, вдовой Михаила Михайловича, сильно болела в последнее время – не до встреч-разговоров, а недавно и вовсе ушла, как говорят, в мир иной, а еще говорят – со своей половинкою встретиться. Да и то сказать – десять лет вдовела. Но года подошли, почти под девяносто. У них и брак еще довоенной поры. Если по фотографиям судить, простым, незатейным был Михаил Михайлович в молодых годах, симпатичным, а уж она – красавица. Жить бы поживать, добра и деток наживать…

Моя мама, тоже имевшая диплом мукомольно-элеваторного техникума, рассказывала, что уже перед войной, когда построили в Кировске свой элеватор, можно было видеть огромные очереди с зерном. И хлеба только-только досыта наелись, а тут снова поясок потуже затягивай. Когда мужиков в районах забрали на фронт, на их места специалистов из города стали посылать, и мою маму – в Павлоградку. И я лично помню хлеб военного времени, и колоски, которые собирали в поле, и как те зерна рас-

М. М. Кузьмин с женой и сыном

тирали, и жмых помню, и паек помню. Я спросила как-то свою родственницу, всю жизнь проработавшую в Заготзерно в Павлоградке, когда же она, как говорится, работая при хлебе, этого самого хлеба наелась досыта, и она ответила: «В сорок восьмом!» Их было четверо у матери, получившей «похоронку» из-под Сталинграда на отца, и она знала, как он желанен и вкусен – хлеб…

Михаила Михайловича не сразу взяли, уборочную страду довели. Ну а осенью его черед приспел, но эшелон пошел на Дальний Восток.

– Конечно, как все, отец рвался на запад. Там бои, там война, а он сиди в городке Артем и жди у моря погоды. Может, потому что финн, мало ли что! Он и давай писать рапорты: «Отправьте на Западный фронт, я хочу бить фашистов!» Такой твердого характера мужик, спокойный, но своего добьется. И добился! Пока он на востоке был, мама спокойнее себя чувствовала, уж как на запад уехал – сердце болело за него. Каждый день. Как у всех женщин… А на руках у нее мы – два крошечных пацаненка…

Первые бои – под Старой Руссой. Жестокие бои. Немец еще в такой силе был, да и досада брала – Москву взять не получилось, парад на Красной площади не состоялся, да вообще весь громогласный «блицкриг» сорвался. А мы только силенки подкапливали – и Ленинград в кольце, и прут фашистские новехонькие ди-

С. А. Кузьмина

визии к Сталинграду. Фронт от Белого моря до Черного. Говорят, что в жизни всегда есть место подвигам. А на войне особо. И наводчик 5-го артполка при 10-й воздушно-десантной дивизии Михаил Кузьмин именно там, под Старой Руссой, получил медаль «За отвагу». Его орудие подбило два фашистских танка под Осташковом. Потом медаль «За боевые заслуги».

Он, конечно, писал домой, как все солдаты, письма-треугольнички, на открытках сообщения, в которых главными словами были – «жив-здоров». И за награды приятно, но главное именно это: «жив-здоров»! И можно жить, и можно терпеть, и можно ждать.

– Мама была верной женой. По молодости было как-то неловко спросить родителей про то, какая у них была любовь, они нам, детям, казались такими взрослыми, а любовь – это уже у нас, но была меж ними доброта, смысл и значение которой понимаешь только с годами, с собственным жизненным опытом. Может быть, это и сдержанность характера, свойственная финнам, или та крестьянская нравственность, которая в них была стержнем семейного уклада, или, пережив войну, так ценился мир в стране и в своем доме… Даже по фотографиям можно судить о надежности отца. Тем он и привлекал к себе, тем и авторитет свой держал. Я думаю, что и на войне тоже…

А как иначе? Командир орудия, командир батареи… Задачи все труднее – чего стоит только битва Орловско-Курская! Те ветераны войны, которые там участвовали в боях, особо говорили всегда об артиллеристах. Как они там артподготовку выдали – одну, другую, как фрицы дрогнули, так ведь и снарядов уже хватало, не жалели – не сорок первый! Да и то сказать: «Боги войны!» И по-

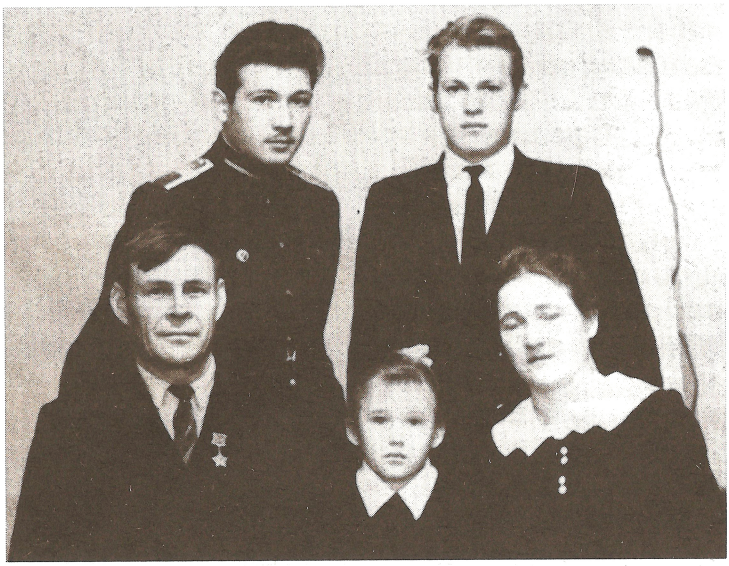
шла с боями и победами вперед 10-я Гвардейская воздушно-десантная Краснознаменная ордена Суворова дивизия Степного и III Украинского фронтов – Харьков, Днепр, Будапешт, Балатон…

И для Кузьмина в его фронтовой биографии особая мета, черта – Днепр. В наградном листе гвардии сержанта по-деловому кратко записано: «Вместе с расчетом в боевых порядках пехоты форсировал Днепр в районе села Проволочное Днепропетровской области и огнем своего орудия обеспечивал успешное продвижение пехоты на правом берегу реки. За две недели боев в октябре сорок третьего года огнем своего орудия уничтожил два средних танка, пять орудий, четыре автомашины». Это на бумаге. Но стоит посмотреть кадры военных хроник, чтобы зримо понять, какая там была схватка. После Сталинграда, Курска и Орла потерять такую оборонную линию, как Днепр, означало полный провал всей военной затеи. И Гитлер, и немецкое командование понимали, что война, в сущности, проиграна, но остановить на полном ходу военную машину не могли и не хотели. Может, еще и мир заключить? На вершине власти Гитлера держала война. Как когда-то и Наполеона. И ради этого ничего не жаль, даже если это «ничего» – миллионы жизней.

А нас вела «ярость благородная» – прогнать врага со своей земли. И уже стало очевидным для всех: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет…»

Сохранился подлинный рассказ самого Михаила Михайловича о том дне, который он помнил в деталях всю жизнь. Потому что за те бои он был награжден Золотой Звездой Героя и орденом Ленина.

«Мы на правом берегу, когда немцы обнаружили нас. В стане врага начался переполох. Гитлеровцы не знали, откуда наступают основные силы, так как Днепр мы форсировали сразу в трех местах. К днепровскому валу мы подошли с боем, спустили два орудия в ров, в котором

М. М. Кузьмин (слева в первом ряду) с женой, дочерью и сыновьями

были сосредоточены огневые точки противника. В течение двух часов мы очистили ров от немцев. В это время наша пехота успела продвинуться в тыл противника до двух километров. Четыре дня немцы беспрерывно атаковали и с воздуха, и с суши. Но мы, удерживая плацдарм, за это время расширили фронт до двенадцати километров и прошли вглубь до восьми километров».

Это в целом картина операции. Но не зря же немцы беспрерывно бомбили! И батарею Кузьмина разнесли, и наших солдат там полегло! Только чудом сохранившееся единственное орудие Кузьмина продолжало стрелять.

«Целым наше орудие осталось случайно. С вечера что-то заедал замок, и я договорился с командиром огневого взвода лейтенантом Черняковым, чтобы рано утром разобрать орудие, очистить, проверить и заменить тормозную жидкость. Едва мы успели разобрать… как налетели девять

бомбардировщиков и начали бомбить. Мы успели лечь в ров около орудия. А в двадцати метрах от нас около дома была большая траншея, в которой сидели бойцы батареи. В дом попали три бомбы, почти все погибли. Только двух мы откопали живыми… Осталось от всей батареи семь человек… А ночью получили команду продвинуться за село Днепро-Каменку и занять огневую позицию в кукурузе на левом фланге кургана. А кукуруза была добрая, метра два с лишком высотой… Левее – глубокий овраг. Едва окончили рытье огневой позиции и маскировку, начался рассвет. Смотрю, а правее меня движутся… танки. Я сосчитал. Их было более сорока! Начался бой. Стрелять я не мог – была дана команда защищать левый фланг и не демаскировать себя».

Хуже нет выжидать…

Но на этот раз – недолго. На орудие Кузьмина двинулись двадцать шесть танков. А впереди овраг. Когда они стали его обходить, подставили орудию самое уязвимое место – левый борт. Ну сержант воспользовался ситуацией и уничтожил пять танков, стрелял, пока орудие не вышло из строя, а потом пришлось взяться и за автомат, и за гранаты, но тут подоспела пехота…

Бой длился более часа. Тяжелый, неравный, рискованный. И все-таки мы победили! За время этих днепровских боев артиллерист Кузьмин только прямой наводкой подбил тринадцать танков и три самоходных орудия. Разве это не героизм!

А война катилась на запад. Вот уже и Днепр позади. Вот уже и Кривой Рог. Тоже горячие денечки. И вот там на речке Марьяновка немцы разбили понтон, и орудие Кузьмина затонуло. А вы попробуйте достать его, вытащить на лед, хоть и не сибирские морозы, но февраль – не лето! И ныряли, и доставали – и все под огнем. Там Кузьмина и прихватило – сквозное ранение грудной клетки, контузия, потеря слуха, дорога в госпиталь. И приговор: «Не годен к службе строевой».

М. М. Кузьмин с внучкой

Раз не годится к строевой – отправьте домой! Нет, еще сгодится на войне, отправили в училище ПВО в Таганрог. А там опять военные дороги – по Венгрии. Кто там, на Балатоне, встретил смертельный ураган, те бои и раны запомнил. Было что запомнить и Кузьмину – опять контузия, опять госпиталь. А тут и войне конец…

Теперь домой! Должность приискали – помощником по кадрам облуполномоченного министерства заготовок. Перевез семью из Тары в Омск, на улицу Степную. Началась мирная жизнь. Мирная, но беспокойная. И для мирной жизни нужны были грамотные люди с жизненным опытом. А мужиков война повыкосила, деревня четыре года на бабах, стариках да пацанах держалась. А тут Герой Советского Союза, специалист по хлебу, командир, словом, как раз такой человек и нужен для ответственной работы. Окончил партшколу, поработал в городе – председателем райисполкома Октябрьского района. Но и сам Кузьмин ближе душой к деревне, и деревню надо было укреплять кадрами, так что собирай, семья, нехитрый скарб – и в Большеречье, где Михаил Михайлович – зампредседателя райисполкома.

– Это я уже хорошо помню, – рассказывает Владимир Михайлович, – чемоданную жизнь. Сборы, переезды. Куда иголка, туда и нитка… Отца перебрасывали с места на место – то в Камкур, то в Хутора, то снова Большеречье… То председателем колхоза, то началь-

ником управления сельского хозяйства района... Он был депутатом областного Совета пять созывов! Хозяйственная работа, общественная работа – крутился как белка в колесе. А мы подрастали, взрослели, у нас главный командир – мама. У нее из-за этих переездов и стаж трудовой не велик, хотя была трудолюбивейшим человеком. Ну в войну всем досталось – нашим женщинам, а нас у мамы двое было, довоенного рождения пацанов, – Виктор и я. Два года, годик... Вера – дочка послевоенная. Мама везде работала, где было дело: на молоканке, в поле. Сколько помню – всегда она кого-то обшивала, рукодельничала. Порядок, опрятность, наверное, свойственны эстонским женщинам. И очень любила петь. Только переедем на новое место, она уже огляделась – уже хор какой-то небольшой – с концертами по окрестным деревням.

Мы в который раз рассматриваем с Владимиром Михайловичем старые фотографии. И он соглашается, что похож на отца. Но на всех снимках Михаил Михайлович неулыбчив, строг и даже застенчив.

– Это фотографы виноваты. Отец притягивал к себе людей не только серьезностью, но и обаянием. У него была открытая и располагающая к себе улыбка. А какая память – феноменальная! Он все легко схватывал, математика – как орешки. Не случайно его в артиллеристы взяли, он к войне уже за спиной четыре курса института имел. А мама – красавица! Сказывали и мне, лично я на эту тему не разговаривал с родителями, что был у нее выбор женихов, а предпочтение отдала отцу. Хотя был он не такой уж ангел с крылышками, война не таких мужиков, как он, меняла, перековывала. Он и помыслить не мог, что станет Героем Советского Союза! Судьба так повела...

Не выдержала, спросила, а вот он, Владимир Михайлович, отцовский сын, мог бы стать героем?

– Подвиг спланировать невозможно. Если даже его совершит человек, об этом скажут другие. Отец награ-

дами гордился, но не выхвалялся. Когда на тебя идут двадцать танков, наверное, будешь исполнять свой долг. А в мирное время жить в согласии с совестью, с убеждениями – очень даже нелегко. Особенно сейчас. Я делал свое дело – строил дороги. Но быть сыном Героя Советского Союза – это уже на тебе ответственность. В 1963 году родители переехали в Михайловку, где жили родители мамы. По мере сил трудился. И нашли его награды, точнее не обошли – за целину, орден Отечественной войны первой степени, памятная медаль Жукова… И все же у него две медали «За отвагу»! Когда война… И в числе добровольцев – тридцатитысячников – на целину! Мужские поступки. Он был сыном своего времени, а то, что пережито страной твоей, твоим народом, великий грех охаивать, пересудачивать. Еще кто знает, как мы оценим, наши дети оценят время, в которое сейчас живем? У меня в доме атмосфера оптимизма – от жены Наташи, у нее такой дар стойкости и жизнелюбия, как у мамы. Вот и ее мамы нет, век подошел к концу. Светлая память моим родителям…

Мы молчим. Нам есть о чем молчать, мы с ним – дети одного поколения, взрослые люди одного жизненного среза, где была война. И осколки с нами, и память с нами. И я так понимаю хитросплетения судеб: сын финна и эстонки, сибиряк, сын героя, прожитые годы. Теперь в этом доме у меня не просто хорошие знакомые – друзья…